

Н.И. Гайнуллина

**ЗАИМСТВОВАННАЯ
ЛЕКСИКА
В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ**

Казахский национальный университет
имени аль-Фараби

Н.И. Гайнуллина

**ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА
В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ:
ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ**

Алматы
Қазақ университеті
2008

*Рекомендовано к печати Ученым советом филологического факультета и
РИСО КазНУ им. аль-Фараби*

Рецензенты:

доктор филологических наук профессор **В.И. Жумагулова**

доктор филологических наук профессор **Т.В. Шевякова**

доктор филологических наук профессор **К.К. Ахмедьяров**

Гайнуллина Н.И.

Г 12 Заимствованная лексика в Петровскую эпоху: Процессы адаптации.
– Алматы: Қазақ университеті, 2008. – 295 с.

ISBN 9965-30-698-2

В монографии представлены наблюдения над процессами адаптации заимствованных слов, в массе проникших в русский язык в конце XVII – начале XVIII вв. Эти процессы интерпретированы не только с учетом традиционных методов их теоретического осмысления, но и новых подходов и направлений, актуализировавшихся в конце XX столетия и связанных с человеческим фактором, спроецированным на конкретные культурно-исторические изменения данного времени и учитывающим роль отдельной языковой личности в истории русского литературного языка. Материалом для фактографических наблюдений и теоретических выводов послужил обширный эпистолярный Петра Великого и его корреспондентов, опубликованный в академических источниках XIX-XX вв. Попутно сделан ряд уточнений и дополнений к этимологии и истории отдельных лексических заимствований петровского времени.

Книга адресована филологам широкого профиля: историкам русского языка, специалистам в области истории и культурологии, преподавателям гуманитарных специальностей вузов, аспирантам, магистрантам, студентам, а также всем, кто интересуется судьбами русского языка в связи с историей народа – носителя этого языка.

ББК 81.2Р

ISBN 9965-30-698-2

© Гайнуллина Н.И., 2008

От автора

*Язык и время – ответственное сочетание;
лингвист сказал бы язык во времени –
философ говорил бы о времени языка.*

В.В. Колесов

Приведенное в эпиграфе афористическое высказывание известного лингвиста нашего времени, философа языка проф. В.В. Колесова как нельзя лучше подходит для содержания данной книги, в которой воедино слились язык и время, язык во времени, для осмысления которых наступило активное время языка как феномена, приковавшего в последние десятилетия исключительно заинтересованное внимание не только исследователей – специалистов в области языкознания, но и рядовых носителей русского языка. Пришло время языка, время осознания значимости его для понимания, кто мы есть сейчас, в беспокойное, изменчивое и изменившееся время, и как мы связаны со своим прошлым. И язык в этом отношении позволяет более глубоко понять собственные исторические корни, ибо является, если следовать нередко встречающейся в наши дни яркой метафоре, *памятью народа*, сохранившей богатства его истории, культуры, характер ментальности, складывавшиеся тысячелетиями и доступные для постижения лишь благодаря единственному свидетелю прошлого – языку. Язык же этот как память о прошлом сохранился в наиболее типично представленных формах – устном народном творчестве, диалектах и письменных памятниках, созданных с момента возникновения письменности у восточных славян, т.е. с конца X века.

Активное их научное изучение в русистике, как известно, начинается с середины XVIII века, в частности, с трудов гения русской науки и культуры М.В. Ломоносова, и продолжается, с большей или меньшей интенсивностью, до настоящего времени. Не секрет, однако, что в XX в. историческая русистика, в силу повышенного внимания к синхронным аспектам русского языка, оказалась несколько отодвинутой на периферию научного изучения, о чем неоднократно говорили видные историки и теоретики русского языка (В.М. Алпатов, В.В. Колесов, В.Б. Крысько и др.). Поэтому следует рассматривать как позитивную черту русского языкознания на стыке двух тысячелетий и в России (на исконной его территории), и в ближнем зарубежье (в частности в Республике Казахстан) оживившийся интерес к проблемам диахронического характера,

рассматривающимся с учетом не только традиционных, но и новых методик описания русского языка. Причиной столь повышенного внимания явился огромный материал, накопленный теоретической и прикладной русистикой на протяжении минимум двух с лишним столетий, когда в научный обиход были введены вновь найденные письменные памятники прошлого, на основе которых составлялись и продолжают составляться картотеки, а затем словари исторического типа, делались (и делаются) многочисленные интересные и удачные попытки анализа как лингвостилистического, так и поуровневого (фонетического, морфологического, синтаксического, лексического) описания конкретных письменных документов донационального (XI-XVII вв.) периода и нового времени (XVIII-XX вв.). С учетом сказанного актуальность обращения к проблемам становления русского языка в разные периоды его истории продолжает оставаться несомненно значимой, ибо каждая такая попытка рассмотрения памятников прошлого вносит дополнительные, исключительно важные в научном отношении штрихи к более чем тысячелетней истории русского языка, запечатленной в письменных документах ушедших веков – свидетелях жизни русского человека, воплощенной в слове и потому бесценной для потомков, каковыми мы являемся.

Актуальность и значимость обращения к знаковым памятниками прошлого, к которым, безусловно, относятся «Письма и бумаги императора Петра Великого», открывает еще одну важную особенность языка: способность через язык раскрыть роль отдельной личности в его истории, ее вклад в эволюционные внутриязыковые процессы и ее влияние на судьбы русского языка, которые в наши дни приобретают все большее значение в новых культурно-исторических условиях как для национальной самоидентификации, так и для уяснения роли языка в истории народа. Именно в таком ракурсе интересна роль не просто отдельной личности, а личности значимой, колоритной, крупной и потому оставившей свой неизгладимый и неповторимый след не только в памяти народа, но и в его языке. К таким колоритным фигурам, представляющим Личность социально, культурно и исторически значимую, как известно, относится фигура императора Петра Великого.

Уже многие столетия, начиная, собственно, с *его* времени и до наших дней, эта уникальная личность русской истории приковывает к себе внимание ученых разных направлений – историков, социологов, психологов, философов. Не меньший интерес Петр I представляет и для филологической науки. Однако парадоксальным представляется то, что, хотя имя

Петра присутствует практически во всех и значительных, и менее крупных работах по истории русского литературного языка XVIII века, лингвистических работ, посвященных непосредственно этой неповторимой личности, в исторической русистике практически не имеется. С учетом сказанного мы рассчитываем, что данное скромное исследование (наряду с другими нашими работами о Петре Великом, вышедшими несколько ранее [1995; 2002] заполнит эту лауну. Оно написано на материале обширного эпистолярного наследия Петра I, ставшего доступным широкому читателю с конца XIX века благодаря научно достоверному академическому изданию под обобщающим названием «Письма и бумаги императора Петра Великого» в 12 томах, которое начали публиковать к двухсотлетию юбилею со дня рождения преобразователя русской жизни. И вот уже более ста лет этот бесценный источник предлагает любознательному читателю, интересующемуся прошлым русского народа, исключительно интересные документы, вышедшие из-под пера самого русского императора либо написанные по его высочайшей воле.

В предлагаемой монографии предложенные наблюдения над особенностями вхождения иноязычной лексики по данным эпистолярия Петра Великого интерпретированы с традиционных, классических в своей основе позиций. Тем не менее, как мы надеемся, они вносят отдельные новые моменты и коррективы к известным исследованиям по проблемам лексических заимствований первой четверти XVIII века и могут служить не только дополнениями к общим вопросам теории лексического заимствования и освоения иноязычных слов русским языком в начальный период становления его как национального, но и подчеркивают влияние на эти процессы со стороны отдельной языковой личности.

Затронутая в монографии проблема *адаптации* заимствованных слов интересует автора на протяжении ряда десятилетий, с середины 60-х годов прошлого столетия, то есть со студенческих лет, связанных с Казахским государственным университетом им. С.М. Кирова (ныне – им. аль-Фараби). В дальнейшем она переросла в другой аспект научных интересов автора – социокультурный, связанный с функционированием языковых единиц в пределах эпистолярного текста и отразивший языковые пристрастия его создателя – Петра Великого как оригинальной языковой личности, запечатленной в обширнейшей дискурсной продукции в виде текстов писем и бумаг, оставшихся после него и пока до конца не изученных. Подобную оценку роли этой языковой личности в свое время мы попытались представить в своей монографии «Эпистолярное наследие Петра Великого в истории рус-

ского литературного языка XVIII века: Историко-лингвистическое исследование» (1995), которая вышла, к сожалению, небольшим тиражом и уже нуждается в переиздании; затем в докторской диссертации «Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка» (1996) и другой монографии «Языковая личность Петра Великого (Опыт диахронического описания)» (2002), посвященной 300-летию основания детища Петра Великого - г. Санкт-Петербурга и тоже быстро ставшей библиографической редкостью. Тем не менее, считаем, что в проблеме всестороннего лингвистического описания личности Петра Великого ставить точку пока рано, поскольку за пределами затронутых в наших трудах вопросов остаются многие нерешенные аспекты как языковой личности самого Петра Великого, так и общих процессов развития русского языка этого удивительного времени, освещенного именем его уникальной и в то же время противоречивой фигуры, определившей пути формирования национального русского языка последующих периодов его истории.

В предлагаемой монографии во многом использованы материалы кандидатской диссертации «Заимствованная лексика в "Письмах и бумагах императора Петра Великого" (к проблеме освоения слов иноязычного происхождения в Петровскую эпоху)», защищенной автором в 1973 году в Казахском государственном университете им. С.М. Кирова (г. Алма-Ата). Необходимость публикации их в расширенном и углубленном варианте вызвана рядом обстоятельств, наиболее важными из которых считаем, во-первых, недостаточность фактических данных при чтении спецкурса по проблемам лексических заимствований, рассматриваемых с позиций диахронии, в условиях изучения русского языка на территории Республики Казахстан, и, во-вторых, практическое отсутствие доступа как студентов вузов, так и молодых ученых-русистов к письменным источникам, относящимся к Петровской эпохе, и даже к такому опубликованному источнику, как «Письма и бумаги императора Петра Великого», имеющемуся в библиотеках нашего города в виде отдельных разрозненных выпусков разных лет. Поэтому мы нашли нужным в уточненном и дополненном виде представить данный скромный труд на суд благосклонных читателей.

Введение

Вопросы социальной лингвистики, социальной истории языка, особенностей функционирования тех или иных языковых средств давно являются предметом пристального внимания исследователей [см., напр.: Иванов А. и Якубинский Л. 1932; Жирмунский 1964; 1969, и др.]. Активное их изучение характеризует и современное русское языкознание, особенно русистику конца XX – начала XXI вв. на стыке двух тысячелетий и столетий. Это вызвано резкой сменой культурно-исторических парадигм, обозначившейся в середине 80-х гг. XX в. и окончательно утвердившейся в наши дни [см., напр., коллективные монографии под рубрикой «Русский язык и советское общество» 1968, в 4-х тт., а также их продолжение «Русский язык конца XX столетия (1985-1995)» и др.].

Стало уже научной аксиомой мнение о том, что все кардинальные сдвиги в жизни общества, особенно в наиболее важные моменты его истории, находят свое отражение прежде всего в его словарном составе в виде появления лексических единиц исконного и заимствованного происхождения. Таким периодом, представляющим значительный интерес для истории русского литературного языка, является Петровская эпоха, в которую были заимствованы «целые сферы новых идей, а оттого и целые разряды слов» [Грот Я.К. 1885, с. 1]. Не случайно данная формулировка акад. Я.К. Грота стала классической основой для характеристики языковой ситуации первой трети XVIII в., озаменованной именем Петра Великого, во всех научных и учебных работах, посвященных данному времени. Этим же фактом вызван давний интерес к проблеме языковых контактов и лексических заимствований со стороны лингвистов, занимающихся историей русского литературного языка и путями его становления и формирования как национального.

Следует, однако, отметить, что такой интерес в большей степени характеризует диахроническую русистику конца XIX – первой половины XX вв. в сравнении со второй половиной XX в., когда подобный аспект изучения языка Петровской эпохи несколько ослабел, переместившись в

область составления Картотеки словаря русского языка XVIII века (СлРЯ XVIII в.) и самого словаря с этим же названием, издание которого начинается в 1984 г. и продолжается в наши дни. Разумеется, нельзя не отметить исключительную значимость данного лексикографического источника, сосредоточившего огромный массив лексики XVIII в., в том числе и иноязычной, которая, благодаря данному источнику, теперь может изучаться в более широком аспекте, связанном не только с традиционными адаптирующими подходами к такому этимологическому массиву лексикона русского языка, но и функциональными его особенностями, ибо СлРЯ XVIII в. существенно обновил и углубил принципы описания слова, создав целую инновационную семиотическую систему, направленную на всестороннее представление истории конкретной языковой единицы в динамике [см.: Словарь русского языка XVIII века: Правила пользования словарем. Указатель источников. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1984. С. 48].

В работах по языку Петровской эпохи довольно обстоятельную характеристику получила многогранная деятельность ее Преобразователя, в том числе и в области реформирования языка своего времени, но относительно скромное место занимает непосредственная языковая деятельность самого Петра Великого, выступающая отдельными иллюстрациями к таким же фрагментарным теоретическим посылкам, связанным с общими языковыми процессами его времени. Об этом говорят не только учебные материалы по истории русского литературного языка [Горшков 1969, Ларин 1975, Виноградов 1982 и др.], но и отдельные научные исследования, связанные непосредственно с языковой практикой Петра и отраженную, как правило, в первых томах его собрания «Писем и бумаг» (ПБП) [Грот 1885; Виноградов 1938, 1982; Очерки 1972 и др.]. Эти факты говорят как о недостаточном внимании к его богатому письменному наследию, так и индивидуальной речевой деятельности, отразившей противоречивость и языка его эпохи в целом, и самой его личности.

В частности, непосредственному анализу языка писем и бумаг Петра Великого посвящены единичные работы, иногда прямо не связанные с его лексическим составом. Мы имеем в виду прежде всего кандидатскую диссертацию К.В. Горшковой «Из истории московского говора в конце XVII – начале XVIII в. Язык «Писем и бумаг Петра Великого» [МГУ, 1947], в которой рассматриваются фонетические особенности московского говора (точнее, владимирско-поволжской группы говоров) и делается вы-

вод о том, что «живой язык Москвы конца XVII – начала XVIII века по своей фонетической системе и морфологическим особенностям является смешанным, сочетающим северновеликорусские и южновеликорусские черты».

Другая научная работа середины XX в., выполненная на материале ПБП, – кандидатская диссертация О.И. Ивановой (Александровой) «Глагольные предложные конструкции в деловой речи начала XVIII века. (По письмам и бумагам Петра Великого)» [Куйбышев, 1955], в которой рассматривается один из грамматических аспектов, связанных с деловым языком этого времени.

Такой интерес к ПБП вполне закономерен, если учесть масштабы и значимость самой личности Петра Великого. Однако лексический строй письменного его наследия до конца пока не изучен, поэтому дальнейшее его исследование, на наш взгляд, может привести к интересным наблюдениям в области словарного состава русского языка этого времени на заре его становления как языка русской нации. Не случайно именно это собрание эпистолярия Петра I стало одним из источников при составлении Картотеки СЛРЯ XVIII в., создатели которого понимали значимость данного источника для «различных исследований по исторической лексикологии» [Лингвистические источники. Фонды Института русского языка. – М.: Наука, 1967. С. 93]. Но даже такое авторитетное издание сплошной выборке подвергло лишь «стр. 1-100 первого тома» [там же, с. 93].

Принимая во внимание многоаспектную значимость эпистолярия Петра I для лингвистического его описания, подчеркнем, что близость речевой деятельности к характеру письменной ее фиксации в первой трети XVIII в. особенно интересна и полезна с позиций изучения процессов адаптации иноязычной лексики, огромным потоком хлынувшей в русский язык под влиянием преобразовательской деятельности Петра. Именно данный аспект будет приоритетным в нашей книге.

Вопрос об интенсивном лексическом заимствовании в конце XVII – начале XVIII века давно привлек внимание исследователей русского языка и остается злободневным до настоящего времени. Вызвано это тем, что лингвистическая наука, и прежде всего историческая русистика, призвана как можно точнее восстановить картину лексического заимствования интересующего нас периода. Сделать это можно, только опираясь на тщательный анализ исторических памятников письма. И до тех пор, пока не

будет составлена полная картотека слов на основе сплошной выборки всех (а не отдельных частей) известных письменных источников, проблема детального их изучения по отдельным узким лингвистическим аспектам и вопросам не потеряет своей актуальности. (В скобках заметим, что 1-100 страницы *первого тома* «Писем и бумаг Петра Великого», подвергшиеся сплошной выборке при составлении Картотеки СЛРЯ XVIII в., как было указано выше, содержат переписку Петра I лишь за короткий период с 1689 по 1700 гг., поэтому основная масса заимствованной лексики, употребленной в дальнейшей его переписке и бумагах, естественно, осталась вне поля зрения исследователей).

Справедливости ради следует отметить, что в науке о русском языке заимствованиям Петровской эпохи посвящен ряд интересных и значимых работ, начиная с трудов Я.К. Грота [Грот 1885]. Одной из ранних работ такого плана была также диссертация В.А. Христиани «Über das Eindringen von Fremdwörter in die Russische Schriftsprache des 17 und 18 Jharhunderts» (Berlin, 1906), которая, судя по всему, оказалась не известной другому очень интересному исследователю заимствований петровского времени – проф. Н.А. Смирнову, на что обратил внимание Л. Гальди в работе: [Гальди 1958, с. 11]. Долгое время данный труд проф. Н.А. Смирнова «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху» [Смирнов 1910] оставался в науке наиболее полным и служил практически единственным авторитетным источником для этимологизации массы заимствованных в петровское время слов, если судить по этимологиям, которые в большинстве случаев дает известнейший этимолог первой половины XX столетия М. Фасмер. Однако, как показали наши наблюдения, и он в отдельных случаях уже требует корректировок и уточнений, о чем свидетельствует факт использования его данных в этимологических источниках XX в., которые ссылаются на него, но расходятся с данными более позднего времени, в том числе и нашими. Поэтому часть из них мы приведем в конце данной монографии в виде специального приложения к основному содержанию работы, чтобы подтвердить справедливость своих слов.

Разумеется, когда речь идет об уточнениях такого рода, они не должны расцениваться как упрек в адрес того или иного исследователя, ибо достижения предшественников не теряют своей ценности, поскольку сделаны в конкретный момент истории науки, располагавшей соот-

ветствующими данными и потому представляющимися этапом и толчком для следующих поколений ученых. Но не говорить о них наука не имеет объективного права, так как должна опираться на достижения своих предшественников, внесших собственный вклад в ее развитие. Именно поэтому интереснейшие сведения об истории иноязычной лексики петровского времени, содержащиеся в трудах Н.А. Смирнова, В.А. Христиани и др., уже стали классическими и вошли в труды по этимологии на последующих этапах развития лингвистической науки о русском языке. На такие этимологии различного характера, отраженные в них, ссылаются практически все исследователи данного периода в истории русского литературного языка (достаточно назвать самые громкие имена в этимологической науке А.Г. Преображенского, М. Фасмера, из более поздних – Н.М. Шанского и др.), не говоря об авторах различных учебных пособий по лексикологии русского языка более позднего времени.

Одной их характерных особенностей, например, труда Н.А. Смирнова являются многочисленные хронологические этимологии иноязычных слов Петровской эпохи с указанием на тот или иной документ и даже автора такого источника, в котором заимствованное слово впервые зафиксировано, что существенно объективирует и расширяет историю отдельных лексических единиц, делая ее более достоверной, убедительной и ценной. Однако в науке именно эта особенность указанного труда нередко становилась предметом отдельных замечаний и критики, поскольку она давала повод для утверждений о том, что «совершенно устарела работа Н.А. Смирнова «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху» [ср., напр.: Кипарский 1956, с. 13]. Не принимая за абсолют подобное утверждение, мы, тем не менее, согласимся с более объективным утверждением венгерского исследователя Л. Гальди, который увидел суть подобных неточностей в другом, подчеркнув такой аспект этой проблемы, как малую изученность самих текстов данного времени. В частности, он писал: «Что касается изучения текстов, относящихся к эпохе Петра Великого и вообще к первой половине XVIII века, то необходимо, на мой взгляд, выполнить ряд первоочередных задач: пополнить всеми средствами в соответствии с требованиями современной науки тот материал, который был уже собран Смирновым и Христиани; проверить, как были проанализированы изученные к настоящему времени тексты, и распространить исследование на ряд новых текстов, ко-

торые, как кажется, привлекались редко или не упоминались вовсе» [Гальди 1958, с. 13]. Этот своеобразный научный и социальный заказ ученых предшествующих поколений в значительной мере выполнен или выполняется, но, тем не менее, остается актуальным и важным для диакронической русистики и по сей день. Достаточно сказать о составлении Картотеки Среднерусского словаря (КСРС), а также выпедших в начале 70-х гг. XX в. «Очерках по исторической лексикологии XVIII века. Языковые контакты и заимствования» Е.Э. Биржаковой, Л.А. Войновой, Л.Л. Кутиной [Очерки 1972], существенно заполнивших эту лакуну, хотя и в них без внимания остался ряд заимствований, о чем говорит анализ его «Хронологико-этимологического словника», помещенного в конце книги. С другой стороны, отдельные предварительные датировки (predatations, по терминологии Л. Гальди), предложенные в «Очерках», как показало дальнейшее исследование, в основном совпадают с нашими данными, извлеченными из ПБП и опубликованными несколько ранее [см.: Гайнуллина 1969, с. 101-110]. Многие же факты переписки и бумаг Петра Великого подтверждают, по крайней мере, необходимость коррективов и дополнений к имеющимся научным данным по истории заимствований этого времени, ибо хронологические этимологии нередко имеют внушительные расхождения – от четверти века до века и больше. А это, разумеется, существенно искажает историю как отдельных слов, так и историю соответствующих реалий, представленных такими словами. Достаточно привести хотя бы некоторые данные: в частности, заимствование лексемы *шампунь* относят ко второй половине XIX в. [Шанск. КрЭС 1971]; «Очерки» не фиксируют этого слова вообще; по нашим же данным, Петр I употреблял его еще в начале XVIII в. в форме *шанпунь*: *За презент благодарствую ..., также за шанпунь и прочее вам благодарствую* (ПБП, VII, 1, 202. 1708). Или другие факты: заимствование таких слов, как *претензия*, *субсидия*, *субстанция*, соотносится с 20-50-ми годами XIX в.. Ср.: «Несмотря на то, что Даль занимал пуристическую позицию и был противником заимствованных слов, он включил в первое издание словаря (1863-1866) более 750 заимствованных слов и их производных, вошедших в употребление в 1820-1850 гг. (среди них, напр., ... *претензия*, ... *субсидия*, *субстанция* ...» [Сорокин Ю.С. 1965, с. 49] (выделено нами. – Н.Г.).

Приведенные в цитате иноязычные заимствования мы находим еще в переписке начала XVIII в., о чем говорят следующие контексты их употребления: *О субсидиях есть зело тягостная вещь, ибо вяце 60.000 вой-*

ску, кроме гварнизоноф по иным краем, плотитца... (IV, 387. Ответ на предложение польского короля Августа II. 1706).

Первое его употребление в ПБП («Очерки 1972» его не отмечают) точно транслитерирует лат. прототип с окончанием *-ити*: *Известен сам королефское величество, что ради многих дел, а паче для собрания денег на сунсидиум, на некоторое время упросился к Москве...* (IV, 70. 12 февр. 1709 г.). Другие контексты употребления указанных выше слов: *И ежели вы сие по первым указом учинили, то конечно пойдет за Днепр неприятель, не имея себе сунстанции* (IX, 1, 98. 1709).

Имеются и более «скромные», но не менее интересные и значимые для историка русского языка расхождения в хронологической этимологии отдельных лексем – от нескольких лет до нескольких десятков лет. Так, применение морского термина *компас*, по сведениям М. Фасмера со ссылкой на Н.А. Смирнова, датируется 20-ми годами XVIII в.: «стар. *Компáс*, Уст. морск. 1720 г., в переписке же Петра I его употребление связано с концом XVII в., о чем говорит следующий контекст: Знать чертежи или карты морския, *компас*, также и прочая признаки морския (I, 117. 1697) «Очерки» 1972 г. вообще не фиксируют этого слова в своем «Хронологическо-этимологическом словнике», хотя, по нашему мнению, это наиболее достоверный авторитетный из последних исследований по заимствованным словам Петровской эпохи источник.

Другие, более обширные уточнения подобной этимологии, которых у нас обнаружилось более 50, мы приведем в Приложении к данной монографии. Однако и эти факты подтверждают необходимость дальнейшего изучения ключевой проблемы Петровской эпохи – проблемы заимствования, которая, как видим, еще не исчерпана с научной точки зрения для диахронической русистики. Особый интерес она представляет в аспекте адаптационных процессов, в понимании которых помогает, как ни странно, отсутствие в этот период норм правописания, характеризующееся исторической наукой о русском языке как негативная черта эпохи, своеобразный «хаос», царивший в письменных памятниках данного времени. Однако именно он нередко выступает объективным критерием для теоретического осмысления акта заимствования через процессы адаптации и ассимиляции иноязычных слов, превращения их из иноязычных в заимствованные, особенно на первых этапах вхождения в новую языковую среду. И тогда в целом отрицательная черта состояния языка становится позитивно значимой, помогая понять этот процесс

внедрения и укоренения нерусского слова в язык-реципиент. Этим вопросом в меньшей степени уделяла раньше и, к сожалению, уделяет и сейчас историческая русистика.

В сравнении с указанной проблемой адаптации иноязычной лексики, вошедшей в русский язык в Петровскую эпоху, более полно данный этимологический пласт слов изучен в тематическом отношении. В этом направлении особенно активно велась исследовательская работа с середины 50-х годов XX века, когда были написаны интересные кандидатские диссертации ряда учеников Ф.П. Филина и других крупных ученых того времени [см., напр., работы: Тузова 1955; Маргарян 1956; Забродченко 1956; Сидоров 1969; Волоскова 1966; Дашкова 1971 и др.]; а также отдельные научные статьи [Хаустова 1961; Василевская 1968 и др.]. Обращает, однако, внимание тот факт, что во многих из указанных работ заимствования рассматриваются как составная часть общего словарного состава конкретных письменных памятников, ставших объектом изучения у исследователей с проекцией на язык этого времени в целом, или отдельных художественных произведений данного периода [напр., работы В.П. Забродченко, Б.А. Маргарян и др.], или документов делового и публицистического характера [М.Ф. Тузова, И.С. Хаустова и др.]. Функциональная же сторона интересующего нас этимологического пласта лексики, связанная с процессами ее адаптации и постепенной ассимиляции, исследователями либо совсем не затрагивается, либо, чаще всего, даже если о ней говорится, она выступает в них побочным, второстепенным и попутным аспектом рассмотрения. Поэтому постановку вопросов, связанных с освоением слов иноязычного происхождения в русском языке Нового времени мы считаем актуальной до настоящего времени.

Впервые серьезно проблема адаптации заимствований Петровской эпохи и в целом XVIII столетия была поставлена в указанных выше «Очерках по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования» Е.Э. Биржаковой, Л.А. Войновой, Л.Л. Кутиной, которые до сих пор остаются единственным относительно полным и, безусловно, авторитетным монографическим трудом подобного направления исследования. Несомненно, важность и ценность содержащихся в них материалов и выводов о формальном и семантическом освоении заимствований интересующего нас периода, имеют непреходящую ценность. Однако заимствования Петровской эпохи в данном капитальном труде рассматриваются как часть исторического про-

цесса пополнения словарного состава русского языка в течение столетия. Возможно, поэтому в нем отсутствуют многие данные о заимствованиях начала – первой четверти XVIII в., в частности в «Хронологическом-этимологическом словнике», который можно отнести к совершенно новому и весьма своеобразному типу этимологического словаря [с. 334-408 указанной монографии], но в котором мы не обнаружили значительное число лексических единиц, отмеченных в ПБП.

Кроме того, формальная адаптация, связанная с фонетическим варьированием заимствованных слов, охарактеризована в основном с позиции рассмотрения причин такого варьирования под влиянием языка-источника. В результате влияние на адаптационные процессы в системе иноязычных лексем со стороны языка-реципиента не нашло должного отражения.

Оказались вне поля зрения также такие аспекты освоения иноязычий Петровского времени, как словообразование от заимствованных слов, проблема окказиональности иноязычных заимствований и ее место в адаптации единиц данного этимологического пласта и т.п., которые, думается, решить в объеме одной, даже и объемной, монографии, конечно, не представляется возможным. Необходимы новые фактические данные для их рассмотрения и описания, которые, безусловно, можно получить при анализе более широкого корпуса документов этого времени, что в совокупности создаст более полную и объективную картину как самого процесса лексического заимствования при Петре I, так и характера его протекания в период освоения иноязычных единиц в русском языке как языке-реципиенте.

Тем не менее, несомненным остается представление о данном капитальном труде, выполненном в необычном ракурсе адаптации заимствованных слов XVIII в., как ценнейшем исследовании исторических лексикологов начала 70-х гг. XX столетия, который не только не теряет своей ценности, но, наоборот, может служить толчком и исходной точкой для дальнейшей разработки интересующей нас проблемы, являющейся основой теоретических представлений в целом о процессах лексического заимствования независимо от времени, в которое они протекают.

Актуальность их заключается еще и в том, что затронутые и в «Очерках», и в нашей диссертации (1973), ставшей основой данной монографии, процессы освоения заимствованных слов оказались в центре внимания и в наши дни, особенно с середины 80-х гг. XX в., когда началась

перестройка в обществе, вызвавшая смену культурно-исторических парадигм на стыке XX-XXI столетий на фоне нового взрыва лексических заимствований в русский язык, на этот раз – в основном из английского языка. Этот поток заимствований, конечно же, мотивирован специфическими условиями как жизни общества (глобализация в развитии разных национальных сообществ в мире), так и самого языка в новых же исторических обстоятельствах его применения (демократизация с существенным элементом либерализации самих процессов его развития, перегруппировка внутри системы языка и т.п.), в значительной степени отличными от стыка XVII-XVIII вв. Тем не менее, при более внимательном рассмотрении указанных обстоятельств многое оказывается типичным, особенно в процессах освоения иноязычных лексем, которые не всегда окончательно ассимилируются в русском языке. И ответы на эти общие и частные вопросы, связанные с лексическими заимствованиями, более объективно и обоснованно можно найти, если учесть опыт их адаптации в прошлом. Петровская же эпоха по масштабу как социокультурных, так и языковых преобразований во многом соотносится с нашим временем, делая еще более актуальной задачу исследования проблем становления словарной системы русского языка в диахронии, в том числе и на примере такой ее специфической материи, как заимствованная лексика. Поэтому «Письма и бумаги императора Петра Великого», представляя масштабный по объему и содержательной значимости письменный памятник, выступает исключительно ценным источником познания истории русского литературного языка, особенно если учесть, что он непосредственно связан с личностью его Преобразователя и инициатора многих начинаний не только в обществе, но и в самом языке. Более того, подчеркнем, что Петр Первый был Первым не только как русский император, но и как государственный политик, первым в истории Российского государства сделавший язык *специальным предметом* этой политики, то есть первым четко определил языковую политику, включив ее в ряд первоочередных общих задач строительства и развития своего государства, осознав роль языка в решении этих задач.

Исходя из сказанного, в монографии ставятся и по возможности решаются следующие конкретные задачи на материале ПБП, ранее не выступавших в качестве специального целостного источника для наблюдений:

- дать общую лексико-стилистическую характеристику данного исторического памятника;

- представить описание и сделать соответствующие выводы относительно формального (фонетического, орфографического, морфологического) освоения заимствованных слов в бумагах и переписке Петра I;

- на основе широко отмечаемого в текстах писем и бумаг варьирования материальной оболочки слов иноязычного происхождения установить основные причины такого варьирования;

- определить специфику начального этапа функционирования иноязычных слов через такой характерный способ их ввода в новую языковую среду, как глоссирование;

- рассмотреть словообразование от иноязычных слов как адаптирующий фактор при их функционировании в новой языковой среде.

В дополнение к указанным задачам назовем и такие, на первый взгляд, не связанные с общим адаптационным направлением исследования и потому кажущиеся периферийными задачи, как составление словаря-перечня иноязычных слов русского языка Петровской эпохи по данным именно конкретного памятника – ПБП с указанием первой его фиксации в нем. Даже без претензии на абсолютность, приведенные сведения могут выступить мотивационной базой для суждения о необходимости заимствования той или иной лексемы в русский язык и быть одним из источников для восстановления истории отдельных лексем нерусского происхождения, дополняя известные науке сведения и, возможно, корректируя их.

Чтобы соблюсти принцип преемственности исторических процессов лексического заимствования в русский язык и не разрывать общую линию их развития, при анализе фактического материала мы не ограничивались рассмотрением и описанием заимствований только начала XVIII в., а включили в общий материал и отдельные единицы, вошедшие в язык несколько раньше (что, в принципе, не искажает общую картину процессов заимствования Петровской эпохи). Такой подход вполне оправдал себя, ибо позволил прийти к выводу о том, что, например, словообразование является не факультативным [ср. мнение: Крысин 1968], а одним из основных и весьма важных признаков освоения заимствованных слов, ибо наиболее широкие деривационные связи выявились в этот период прежде всего (хотя и не обязательно во всех случаях) у слов, заимствованных в основном в предшествующий XVII век, тогда как другие

адаптирующие способы (формальные, например) показали широкие вариантные ряды в системе иноязычных новаций непосредственно петровского времени.

В целом описание фактического материала в работе дается в сравнительно-историческом и сопоставительном плане. Поэтому, кроме известных современных этимологических словарей, использовались данные «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам XI-XIV вв.» И.И. Срезневского, «Материалов для древнерусского словаря» А. Дювернуа, сведения из таких ретроспективно-синхронных словарей, как «Рукописный лексикон первой половины XVIII века», «Лексикон вокабулам новым по алфавиту» Петровской эпохи и другие известные лексикографические источники XIX - XX вв., а также следующие источники, связанные с именем Петра Великого и его временем:

- Берх В. Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оныя. Ч. 1, 2. – СПб., 1829. (Собрание содержит 360 писем Петра I и 298 ответных писем к нему; вся указанная эпистолярная продукция датируется 1715 годом включительно).
- Книга уставъ морской О всемъ что касается доброму управленю в бытности флота на морѣ. Напечатана повелѣніемъ царскаго величества въ Санктъ-Пітербургской типографіи Лѣта Господня 1720.
- Воинский устав – СПб., 1716.
- Собрание собственноручных писем государя императора Петра Великого к Апраксиным. Ч. 1. – М., 1811.
- Письма Петра Великого, писанныя к генерал-фельдмаршалу ... графу Б.П. Шереметеву, по большей части собственной государевой рукой ... - М., 1774. (Собрание насчитывает 238 писем; перечень их неполный, так как конец книги отсутствует. Помещены письма с 1700 по окт. 1718 г.).
- Дневник камер-юнкера Берхгольца. – Б.М., 1788.
- Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1945.
- Воинские артикулы Петра I. Материалы по изучению государства и права СССР. – М., 1960.

При необходимости выборочно привлекались материалы из писем адресатов Петра I, помещенных в отдельных приложениях к основным томам писем и бумаг самого императора.

Методика работы сводилась к следующему. Предварительно были проанализированы методом сплошной выборки все имеющиеся 12 томов ПБП; в результате составлена картотека в объеме более 6000 карточек, на которых зафиксированы иноязычные лексические единицы в текстовом окружении и вместе со своими вариантами. Все примеры снабжены указанием на текст, в котором они употреблялись. Этимологическая принадлежность слов, семантическое наполнение слов определялись по этимологическим и другим филологическим источникам, включая толковые и исторические словари.

Г л а в а I

ОБЩАЯ ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА «ПИСЕМ И БУМАГ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКОГО»

1.1. Предварительные замечания. В 1872 году в связи с празднованием 200-летия со дня рождения Петра Великого бывший в то время министром просвещения граф Д.А. Толстой высказал мысль, что «было бы вполне достойно торжественного дня, празднуемого Россией, и весьма важно для верной и беспристрастной оценки личности и многосторонней деятельности Петра Великого приступить к изданию такого собрания писем и бумаг, которое совместило бы в себе все, что вышло из под пера Монарха, посвятившего всю жизнь возвеличению горячо любимой им России» (ПБП, 1,1. – Полная ссылка на источник, характер его цитирования и хронологические рамки материала, помещенного в каждом томе ПБП, см. в библиографии). Мысль эта была поддержана и одобрена, и 30 декабря 1872 года была образована для собрания материалов к изданию компетентная комиссия под председательством графа Толстого в составе профессоров русской истории императорских университетов: Московского – С.М. Соловьева и Н.А. Попова и С.-Петербургского – К.Н. Бестужева-Рюмина и Е.Е. Замысловского, директора архива Министерства юстиции, сенатора Н.В. Калачова, хранителя отделения рукописей Московского публичного и Румянцевского музеев А.Е. Викторова и ординарного академика Императорской Академии наук А.Ф. Бычкова.

В состав теперь известного нам собрания «Писем и бумаг императора Петра Великого» вошло следующее:

1. Письма, указы и инструкции Петра Великого, а также его резолюции на докладах и прошениях, сохранившиеся как в подлинниках, так и списках.